

The future of Russian-Arab relations in the context of the political crisis in the Middle East

Pavel Mikhailovich Kolesnikov.

PhD, associate Professor of Oriental Studies, African Studies and Islamic Studies.

Institute of International Relations, History and Oriental Studies

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

E-Mail: *kolesnikovlawer@mail.ru*

Contact: +79105590764

Abstract.

Возрастающая роль России, в условиях непрекращающегося кровопролития и осложнения политической ситуации на Ближневосточной арене, ставит перед международным сообществом принципиально важный вопрос. Есть ли будущее у российско-арабских отношений и каков характер этих отношений? И прежде всего, речь идет о возможности политического сближения России со странами региона, отрезанными от Москвы естественным ходом истории и событиями, повлекшими взаимное недоверие и политический дисбаланс. К числу таких событий можно отнести ввод советских войск в Афганистан, а также структурный фактор, вызывающий заметное волнение у значительной части современной политической элиты ряда монархий Персидского Залива, а именно, - каковы подлинные цели, возрастающей роли России в регионе? При этом не стоит забывать и о том, что некоторые государства Персидского Залива, традиционно, имеют давние политические и экономические связи с США, которые продолжают сохранять свое влияние на правящие кланы Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ, что естественным образом затрудняет какой бы то ни было прогресс и политические шаги по сближению России с этими государствами. Осложняется это еще и тем, что Москва, а также руководство арабских монархий не стремится к замене своих политических союзников. При этом, по мнению Эр-Рияда, «новая коалиция» во главе с Россией (также в нее входят Сирия, Иран и Ирак), играет укрепляющую роль

между Москвой и ее, так называемыми, традиционными союзниками, к числу которых, прежде всего принадлежат Иран и Сирийская Арабская Республика. Относительно же государств Персидского Залива, очевидно, что данная коалиция является ничем иным, как фактором, препятствующим налаживанию связей между Москвой и политическим руководством региона, отсюда неоднозначность «арабского взгляда» на границы взаимоотношений с Россией и явная неопределенность этих отношений в будущем. В статье рассматриваются особенности и перспективы российско-арабских отношений в условиях непрекращающегося кризиса в Ближневосточном регионе, охватывающего гражданскую войну в Сирии, арабо-израильский конфликт и ситуацию в Ираке.

Keywords: история, политический кризис, российско-арабские отношения, Ближний Восток, перспективы, арабский вектор, борьба с терроризмом, источник вооружений, экономический партнер.

1. Introduction. Исторически, российско-арабские отношения достаточно разнообразны. Некоторые государства, традиционно относятся, к так называемому, «враждебному лагерю», с идеологической точки зрения. Между тем, у России в регионе есть и партнеры, которые устойчиво продолжают с ней взаимодействовать по самому широкому кругу вопросов. Другая группа стран – это те из них, которые некогда являлись главными политическими партнерами Москвы, однако в последующем переориентировались на укрепление связей с США, что продолжалось в течение нескольких десятилетий. Однако сегодня, под влиянием быстро меняющейся политической конъюнктуры, либо сугубо экономических приоритетов избрали путь обновления своих отношений с Россией. Тем не менее, все они, - несмотря на их нынешние договоренности и политические предпочтения важны для России, с позиции анализа их геополитических целей и интересов в регионе. И данное обстоятельство крайне сложно игнорировать, так как это то, что делает оценку «арабского вектора» в отношении России вопросом чрезвычайной сложности [1, с. 94].

С учетом вышеизложенного, предлагаем проанализировать отдельные стороны российско-арабских отношений в условиях политического кризиса на Ближнем Востоке.

Во-первых. Новое в российско-арабских отношениях (2011-2016 гг).

Фонд качества и количества прогресса, свидетелем которого стали российско-арабские отношения, будь то сфера торговли или объем взаимных визитов высших должностных лиц, а также характер договоров и деклараций о намерениях совместного сотрудничества между Россией и странами Ближнего Востока, указывает на ощутимый прогресс, наблюдаемый в этих отношениях. Вместе с тем, этот прогресс стал наиболее осязаем после распада СССР и под давлением потребностей в расширении различных форм партнерства, иностранных инвестиций и т.п. Именно тогда, на фоне охлаждения связей с США, у арабских партнеров появился новый стимул, направленный на постепенное наращивание отношений с Москвой. Так, в ноябре 2003 г., Саудовский принц Абдалла Бен Абд Аль-Азиз совершил официальный визит в Россию. А в феврале 2007 г. Президент России В.В. Путин нанес ответный визит в Саудовскую Аравию. В ходе этих двух визитов был подписан ряд договоров в нефтяной, газовой, научной сферах, а также в области высоких технологий, воздушных сообщений, двойного налогообложения доходов и капиталов. Не остались без внимания и вопросы культуры, обмена информацией, банковского сектора, атомной энергетики, мирного освоения космоса [2].

После ряда официальных визитов саудовской стороны в период между 2007 и 2009 гг., Наследный принц Мухаммад Бен Сальман совершил визит в Россию в июне 2015 г., в ходе которого было подписано шесть договоров и стратегических меморандумов о сотрудничестве между Россией и Королевством. Кроме того, Саудовская Аравия объявила о намерении построить 16 ядерных блоков и предоставлении России ключевой роли в запуске этих блоков. Так же, руководство двух стран ратифицировало соглашение в военной сфере и меморандум о совместных намерениях в сфере

освоения космоса. Наконец в ноябре 2015 г., в Москве состоялось заседание совместной комиссии в рамках четвертой сессии и российско-саудовский форум по вопросам предпринимательства и инвестиций. По итогам совместной работы было подписано 15 соглашений и меморандумов о сотрудничестве в различных сферах.

Что касается российско-египетских отношений, то здесь наблюдается непрерывный рост в течение последних двух лет, на что указывает размах уровня визитов, будь то визиты российских делегаций или их египетских коллег. Так, Президент Египта Абд Аль-Фаттах Ас-Сиси уже нанес три официальных визита. Один из которых, во время своего пребывания в должности министра обороны в феврале 2014 г., а два других, в августе 2014 г. и в августе 2015 г. В течение этих двух лет был подписан ряд межправительственных соглашений. Наиболее важными из них являются контракт на строительство АЭС в Дабе, подписанный в ноябре 2015 г., при финансовом содействии ОАЭ и Саудовской Аравии, а также ряд военных сделок между Москвой и Каиром, направленных на военное оснащение нового стратегического партнера монархий Персидского Залива. Так как на сегодняшний день стало очевидным, что Египет в глазах ряда арабских монархий является одним из ключевых форпостов в регионе, способных дать отпор экстремизму и международному терроризму.

Не менее важна и степень сотрудничества России с другими арабскими государствами, такими как Иордания, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн. Отношения России с этими участниками региональной арены переживают аналогичные сдвиги, что также находит свое отражение в объеме визитов ответственных лиц этих государств, в последние годы. Так, король Иордании Абдалла второй совершил три визита в Россию в апреле 2014 г., в октябре 2014 г. и в августе 2015 г. Российско-иорданские отношения проявляются сквозь призму сотрудничества по ряду совместных проектов в сфере высокоточных технологий, в том числе в области ядерной энергетики, военно-технической сфере, в сфере использования атомной электроэнергии, включая стратегию

Королевства по расширению источников энергии. В частности, российская корпорация «Росатом» была избрана, как наиболее подходящая компания, представившая проект строительства первой иорданской АЭС, состоящей из двух ядерных реакторов.

В ноябре 2015 г., Россию с официальным визитом посетил принц Кувейта – шейх Джабер Аль-Ахмад Ас-Сабах. А в октябре 2014 г., состоялся визит короля Бахрейна Хамада Бен Иса Аль-Халифы. Что касается шейха Мухаммада Бен Заида, наследного принца Абу Даби, то он совершил визиты в Россию в сентябре 2013 г. и в августе 2015 г. Посредством этих визитов, руководство государств Персидского Залива подтвердило стратегический характер отношений с Россией, определив ее как основного стратегического партнера, играющего заметную роль не только на Ближнем Востоке, но и в мире в целом.

Вызывает интерес и тот факт, что постоянные направления сотрудничества России со странами Ближневосточного региона не ограничиваются только лишь военной линией и ядерной сферой. Даже, в том случае, когда речь идет о странах Персидского Залива. Известно, к примеру, что некоторые арабские монархии уже заключили с Россией целый ряд межгосударственных соглашений в области образования, науки, техники, космоса, туризма, авиастроения и авиаперевозок, не говоря уже о различных экономических сферах. Обращает внимание и то обстоятельство, что данные направления продолжают развиваться, несмотря на разногласия с Москвой по сирийскому кризису, а также присутствие российского военного контингента на территорию Сирийской Арабской Республики. Что же касается российско-египетских отношений, то они остаются непоколебимыми даже в условиях преодоления последствий трагедии в небе над Синаем, когда российский пассажирский самолет подвергся террористической агрессии, унесшей жизни 224 человек. Все это, несомненно, подтверждает осознание различными «арабскими игроками» необходимости выстраивания новой схемы отношений с Россией. Москва, в свою очередь, принимая во внимание арабский способ

мышления, неоднократно заявляла о готовности сотрудничества со всеми участниками региональной площадки с целью преодоления политических разногласий и стабилизации ситуации в регионе в целом.

Во-вторых. Основные направления, формирующие арабское видение России.

В арабском мире сложились различные, по своей политической природе, взгляды относительно пользы сотрудничества с Россией, а равно ее роли в регионе в настоящее время. Совокупность этих взглядов можно представить следующим образом:

1. Поддержка Россией «национального государства». Россия не перестает напоминать международному сообществу о необходимости соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, уважении национальной государственности и суверенитета, а также о недопустимости вмешательства во внутренние дела независимого государства, не иначе как на основании официальной просьбы законных властей или органов и учреждений, представляющих такую власть. В равной мере она высоко ценит баланс между демократией и правами человека, отстаивая необходимость сохранения государства и правящего режима, осуждая любые действия, ведущие к внутреннему расколу общества под лозунгами установления демократии. Следовательно, в глазах некоторых арабских правительств, Россия олицетворяет великую силу, заслуживающую доверия с их стороны [3, с. 137].

2. Заполнение стратегического вакуума. Одной из точек зрения, в рамках арабской политической мысли касательно России, выступает позиция, согласно которой именно Россия способна успешно заполнить стратегический вакуум, образовавшийся в результате снижающейся роли США. И здесь важно подчеркнуть, что российско-арабские отношения характеризуются определенной общностью взглядов. И точки соприкосновения этих взглядов не сводятся лишь к военному аспекту. Как уже было указано ранее, некоторые арабские государства ратифицировали межправительственные соглашения с

Россией в экономической сфере, в области образования и науки, высоких технологий, культуры и т.д. Однако, несмотря на это, арабские страны в целом и государства Персидского Залива в частности, обеспокоены российской политикой, а точнее ее возможными полезными эффектами, в отношении традиционных союзников России, - Ирана и Сирии.

3. Партнер в урегулировании. Россия придерживается политического способа урегулирования сирийского кризиса. Аналогичный путь Москва видит и в разрешении военно-политических конфликтов в Йемене, Ираке, Ливии, а равно, в применении такого урегулирования в ходе восстановления государственности и политических институтов, закладывании основ внутреннего мира и национальной безопасности. Как отмечает доктор Муатаз Салама – глава сектора изучения государств Персидского Залива Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам»: «Среди целей государств Персидского Залива прослеживается стремление к сближению и склонению «русского медведя» на свою сторону, что проявляется в поиске компромиссов с Москвой по сирийской проблеме, с целью укрепления российской позиции относительно необходимости ухода Президента Башара Аль-Асада со своего поста» [3, с. 137].

Вполне вероятно, что политическое руководство стран Персидского Залива приняло решение держаться подобного вектора по двум причинам. Во-первых, ввиду более низкой стоимости такого плана. Что выгоднее? Финансировать теряющую свои позиции, так называемую, «умеренную» оппозицию или балансировать между противоборствующими сторонами не отдавая предпочтения какой-либо одной? Кроме того, в этом случае всегда сохраняется право сделать шаг назад. Во-вторых, по причине необдуманной политике Вашингтона, Запад истратил свой лимит доверия в глазах прогрессивных арабских монархий, что естественным образом изменило их политический вектор в сторону сближения с Россией. В связи с этим не исключено, что Саудовская Аравия будет более активно пытаться воздействовать на Россию, с тем, чтобы отстранить последнюю от тесного

сотрудничества с ее традиционными партнерами в регионе и не допустить попадание Москвы под полное влияние Тегерана [4, с. 35].

4. Соратник в борьбе с терроризмом. На сегодняшний день Россия является одной из крупнейших политических сил, ведущих подлинную войну с терроризмом, «джихадизмом» и различными проявлениями экстремизма. Президент России В.В. Путин неоднократно повторял в своих официальных заявлениях, что российское вмешательство в Сирию, есть ни что иное, как защита границ Российской Федерации от угрозы проникновения различных вооруженных формирований на ее территорию. И это важнейший стратегический интерес Москвы в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке. Свою приверженность российскому плану по борьбе с терроризмом выразили такие страны, как Сирия, Ирак, Иран, Египет, Ливан. В то же время, и в этом вопросе существуют разногласия, препятствующие усилиям союзников в реализации данной программы. Так, до сих пор не выработана четкая и ясная позиция по классификации организаций и группировок, которые однозначно должны быть отнесены к разряду террористических. Ситуация в Сирии указывает на сложность выработки единого арабского взгляда на эту проблему. И зачастую, ввиду сугубо политических или экономических интересов, каждое государство, так или иначе, вовлеченное в сирийский конфликт по-разному оценивает степень террористической угрозы, исходящей от той или иной организации [5, с. 57].

5. Новый источник вооружений. Результаты анализа количества и характера военных контрактов и сделок по вооружению, заключенных арабскими государствами за два прошедших года, указывают на то, что значительная часть этих договоров, касается покупки различных образцов вооружения у России. Среди договоров, утвержденных Россией и странами Персидского Залива, а также Египтом большая часть контрактов касается диверсификации перечня продаж отдельных единиц огнестрельного оружия и военной техники, в первую очередь военно-воздушных комплексов и самолетов [6, с. 43]. Все это подтверждает стремление арабских монархий

переориентировать вектор российской внешней политики в свою сторону, избавив ее тем самым от иранского влияния, с возможностью изменения политических настроений внутри самого Ирана по отношению к России. В расчете на это Саудовская Аравия и ОАЭ финансировали предварительный контракт между Россией и Египтом на покупку военной техники, включающий 23 самолета МИГ-29, ракетные комплексы БУК М2 и ТОР М2. Согласно ряду отчетов цена данной сделки колеблется в пределах от двух до четырех миллиардов долларов. Кроме того, Эр-Рияд предоставил безвозвратный транш в размере одного миллиарда долларов в качестве поддержки вооруженных сил Ливана в августе 2014 г. Известно также, что Россия поставила Бахрейну противотанковые ракетные комплексы марки КОРНЕТ-ЕМ. В свою очередь ОАЭ и Саудовская Аравия утвердили независимую военную сделку в частных военных целях [3, с. 138] .

6. Россия как экономический партнер. Помимо военного аспекта сотрудничества России с Арабским миром, немаловажное место занимает и торгово-экономическая составляющая этих отношений. Россия сегодня выступает в качестве важного экономического игрока на мировых финансовых площадках с торгово-экономической и инвестиционной точек зрения. Благодаря этой привлекательности в 2014 и 2015 гг. между Россией и странами Персидского Залива был заключен ряд перспективных контрактов. В частности, совсем недавно были сформированы межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, совместные рабочие группы; состоялись инвестиционные форумы. Так, к примеру, было объявлено о ратификации договора об образовании инвестиционного фонда на сумму до четырех миллиардов долларов с целью финансирования совместных проектов [2]. По мнению ряда экспертов, данный фонд должен внести существенный вклад в развитие российско-саудовских отношений в различных отраслях экономики. И это дополнительно к другому инвестиционному фонду, о создании которого страны договорились еще в июле 2015 г., размер которого составляет порядка десяти миллиардов долларов. Что касается укрепления

сотрудничества между Россией и ОАЭ, то здесь стоит напомнить о пятом заседании совместной межправительственной комиссии, состоявшемся в ноябре 2015 г., в ходе которого были достигнуты договоренности об увеличении воздушных сообщений между двумя странами, а также об укреплении сотрудничества в сфере туризма, транспорта и инвестиционного оборота. Кроме того, были подписаны два меморандума о сотрудничестве. Первый касается сотрудничества в сфере спорта, а второй, затрагивает отношения в области интеллектуальной собственности. Наследный принц Абу Даби посетил Россию с официальным визитом в сентябре 2014 г., в ходе которого состоялось подписание меморандума о намерениях по выстраиванию совместного инвестиционного партнерства между департаментом финансов эмирата Абу Даби и Российским фондом прямых инвестиций с целью инвестирования российских проектов по строительству инфраструктуры. Согласно данной договоренности правительство Абу Даби обязалось предоставить России инвестиционный портфель на сумму до пяти миллиардов долларов [3, с. 138].

Конечно, отношения между Россией и странами региона не всегда протекали в подобном ключе. Так, например, после объявления о намерении посетить Россию шейхом Тамимом Бен Хамадом Аль-Сани, принцем Катара в сентябре 2015 г., визит был внезапно отменен. Очевидно, что это произошло в свете позиции Катара, несогласного с вводом российских войск в Сирию и характером отношений, сложившихся между Дохой и Анкарой. В целом же, российско-катарские отношения продолжают оставаться напряженными по причине поддержки, оказываемой Катаром, так называемым умеренным «антиасадовским» группировкам, которые Россия однозначно классифицирует как террористические. Кроме того, Россия и Катар не перестают конкурировать на международных газовых рынках. Особенно в контексте того, что Россия получила контракт на ежегодный экспорт 38 миллиардов кубометров природного газа, сроком на 30 лет в Китай. Общая сумма этой крупнейшей сделки составила порядка 300 миллиардов долларов. И конечно понятно, что

Доха рассчитывала на Китай, как важный рынок сбыта катарского газа [3, с. 138].

В-третьих. Российское вмешательство в Сирию и отношения с Саудовской Аравией.

Несмотря на то, что некоторые арабские страны положительно оценили ввод российских ВКС в Сирию, Саудовская Аравия и Катар были против подобного поворота событий, полагая, что прямое участие России продлит пребывание Президента Асада у власти, осложнив тем самым сирийский кризис. Поэтому отдельные социальные слои и политическая элита арабских монархий увидела в российском вмешательстве опасную агрессию, с которой необходимо бороться не только политически, но и с помощью оружия. Некоторые политические и религиозные деятели, начали призывать, особенно салафитские течения – Джабхат ан-Нусру и протурецкие радикальные группировки к необходимости распространения опыта «афганского» джихада против России на сирийской земле. Показательным в этом случае является пример, Шейха Юсифа Аль-Кардави, поборника «Братьев мусульман», авторитетнейшего в суннитской части мусульманского мира проповедника, живущего и ведущего свою проповедь из Катара. В ходе одной из пятничных молитв он громогласно заявил следующее: «Братья, в эти дни Москва стала врагом ислама и мусульман, она стала врагом номер один для всего мусульманского сообщества, потому что она выступает против сирийского народа. Более 30 тыс. сирийцев были убиты. Каким оружием их убили? Это было русское оружие. Россия снабжает сирийский режим оружием и всем, что ему необходимо... Арабы и исламский мир должны выступить против России. Мы должны объявить России войну... Иранцы посылают на нужды войны в Сирию своих людей, оружие и деньги. Иран – это тоже наш враг. Он враг арабов, он воюет с сирийским народом... Иранцы предали свое исламское призвание и стали убивать своих мусульманских братьев, потому что они не принадлежат к тому же течению в исламе и для них не представляет сложности

убивать тысячи или десятки тысяч суннитов. О иранцы! Не такой должна быть Ваша миссия. Нельзя убивать и пытаться суннитов» [7].

И, несмотря на то, что подобные заявления абсолютно не соответствуют современным политическим реалиям и подлинной действительности, рядовые и, зачастую, необразованные мусульмане попадают в ловушку собственного непонимания, оваянного ореолом псевдоавторитета отдельно взятых представителей «арабской элиты».

Вместе с тем, подобное прочтение геополитической ситуации в регионе остается, в глазах саудовских должностных лиц и общественно-религиозных авторитетов, доминирующим, а официальная позиция Эр-Рияда неизменной. Хотя на сегодняшний день, стало очевидным, что российское присутствие в Сирии повлияло на ход двусторонних российско-саудовских отношений и дало новый импульс для политического диалога между двумя странами, о чем свидетельствует ряд состоявшихся встреч по вопросу сирийского урегулирования.

2. Methodological Framework.

2.1. Objectives of the study.

В ходе исследования решались следующие задачи:

- определить роль и геополитическое значение современной российской политики в регионе Ближнего Востока;

- изучить стратегическое и геополитическое видение Ближнего Востока со стороны Российской Федерации на современном этапе;

- проанализировать особенности внешней политики России относительно сирийского конфликта, ситуации в Ираке, а также касательно арабо-израильского кризиса;

- исследовать внешнеполитический курс России в рамках «иранского досье», в контексте сирийского кризиса;

- рассмотреть особенности двусторонних дипломатических отношений Российской Федерации с монархиями Персидского залива.

2.2. Theoretical and methodological basis of the study.

Приоритетным в статье является использование классических методов научного исследования: сравнительно-исторического метода, анализа и синтеза, метода политического моделирования и прогнозирования, а также структурно-функционального метода, подразумевающего разделение политического явления на составные части с их последующим анализом. В статье также используются такие методы как: объективность, историзм и социальный подход.

3. Results. С точки зрения развития событий, операция российских ВКС в Сирии и российское присутствие в регионе в целом, подтверждают отсутствие возможности для формирования американской международной коалиции, способной свергнуть режим Башара Аль-Асада, как это было в случае с Саддамом Хусейном в Ираке. Основные усилия, так называемой проамериканской военной коалиции направлены на оказание поддержки умеренным антиправительственным группировкам и сосредоточение усилий по уплотнению ударов Турции по приграничным районам, местам скопления курдских вооруженных формирований. Что касается создания бесполетной зоны на сирийско-турецкой границе, то этот вопрос отпал сам по себе, с началом российской операции в Сирии. Более того, стоит отметить, что с самого начала не существовало какой-либо международной военной коалиции, способной одержать победу над шиитскими силами, вставшими на защиту нынешнего сирийского режима, и уж тем более, способной прекратить прямое вмешательство Ирана в сирийский конфликт [3, с. 138].

В конечном счете, несмотря на очевидное противоречие российского вмешательства в Сирии политике Саудовской Аравии, это вмешательство, косвенным образом, положительно отразилось на политике Эр-Рияда в отношении Сирии, а именно:

- Положило конец нерешительности международной позиции в отношении Сирии: российская военная операция в Сирии стабилизировала политические взгляды международного сообщества, избавив их от нерешительности и разного рода колебаний, сделавших носителей подобных

взглядов неспособными к принятию адекватных решений. Несмотря на присутствие в западной внешнеполитической доктрине экономических и геополитических мотивов, российское вмешательство стало важным фактором, приведшим к сосредоточению усилий всего международного сообщества к политическому диалогу и осознанию необходимости поиска дипломатических способов решения сирийского кризиса. И Саудовская Аравия, сыграла в этом процессе ключевую роль. По инициативе Эр-Рияда 8 и 9 декабря 2015 г., была созвана конференция сирийских умеренных оппозиционных сил, что стало ярким свидетельством заинтересованности саудовского руководства в мирном разрешении конфликта.

- Прервало единоличную политику Ирана по сирийскому вопросу: каким бы ни была степень консенсуса между Москвой и Тегераном в отношении сирийской проблемы, их взгляды на будущее Сирии не лишены контрастов. Возможно, именно на этот факт ставит ставку официальный Эр-Рияд, рассчитывая, что данные противоречия, в значительной степени сблизят российско-саудовские позиции по сирийскому кризису. С точки зрения стратегической цели, и Россия, и Саудовская Аравия заинтересованы в сохранении единства Сирии как государства, обладающего суверенитетом. Что же касается Ирана, то он исходит из конфессионального будущего Сирии, стремясь поставить под свой контроль, так называемый, «шиитский полумесяц», не преследуя цели возврата страны к арабскому единству и арабской сущности государства. Таким образом, какими бы ни были политические противоречия, вызванные российским присутствием в Сирии, центральным компонентом стратегической доктрины Саудовской Аравии остается борьба с «иранской осью» и недопустимость превращения Сирии во второй Иран [3, с. 139].

Несмотря на это, в будущих российско-саудовских отношениях продолжают сохраняться противоречия по многочисленным причинам, одной из которых является отсутствие общего социально-культурного базиса, способного подготовить необходимую почву для стратегических двусторонних

отношений, по образцу западного и американского сотрудничества, накопившего богатый опыт всеохватывающего партнерства в экономической, политической, военной, культурной, научной и других сферах. И даже если, политическое руководство арабских монархий Персидского Залива примет решение направить свой политический вектор в сторону укрепления стратегического союза с Россией, связь самого общества, его социальных институтов, не утратят приверженность западным ценностям и западному образу жизни. Что по всей вероятности будет блокировать политический ориентир, особенно в свете наличия в регионе течений не перестающих смотреть на Россию сквозь призму эпохи «афганского» джихада [8, с. 19]. Именно подобные тенденции нашли отражение в фетвах ряда центров религиозной мысли отдельных государств Залива, вслед за российским вмешательством в Сирию.

И в этой связи, для государств Персидского Залива важна работа по внутренней социально-культурной переориентации общества, корректировка взглядов и концепций относительно России, переоценка ее политики, в свете новых интересов стран региона. Необходимо переосмыслить роль России, и ее помощь в создании новой архитектуры международных отношений, с тем, чтобы политика монархий Персидского залива стала сбалансированной и отвечала требованиям региона в целом.

Acknowledgements. "The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University."

5. References.

1. Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. - М.: Издат-ство: Панорама, 2006. 213 с.
2. Официальный сайт МИД РФ: <http://www.mid.ru/> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 15.03.2017.
3. معتاز سلامة. مستقبل روسيا في الشرق الأوسط // السياسة الدولية. يناير. 2016. القاهرة. ص. 136.

4. Нейматов А.Я. Анализ современных российско-саудовских отношений //Вестник МГИМО Университета. №4. 2011. С. 268-273.

5. Юсеф Д.А. Нассасра. Российско-сирийские отношения в контексте геополитической конкуренции на Ближнем Востоке //Международный научный журнал «Символ науки». №11. 2015. С. 258-262.

6. Подцероб А.Б. Российско-египетские отношения при Президенте Х. Мубараке. Институт Ближнего Востока. 25 мая 2008 [Электронный ресурс]. <http://www.iimes.ru/?p=7200>. Дата обращения: 15.03.2017.

7. Шейх Юсиф Аль-Кардави. Ведущий суннитский ученый. Катар ТВ. 12 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watchv=CZ-93VXDml8> (на араб. яз). Дата обращения: 17.03.2017.

8. Печаткин Т.С. Становление и развитие советско-саудовских и российско-саудовских отношений в контексте региональных и международных процессов. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. 2012. 25 с.